

СТИХИ

4 сентября исполнился год со дня безвременной смерти прекрасного поэта, замечательного человека, коллеги, друга, собеседника – Ольги Бешенковской. Мы помним и любим тебя, Ольга. Царствие тебе Небесное!

Редакция

* * *

Не поеду ни завтра, ни в среду...
В понедельник аванс получу
И пропью. И опять не поеду,
Не поеду и не полечу.
А включу портативный и ёмкий,
С государствами накоротке,
И, надеюсь, не очень-то громкий,
Но взволнованный треск в коробке.
Как приятно качает мне кресло
Голос твой, неожиданный друг...
Даже пальма в кастрюле воскресла,
Услышав приглашенье на юг...
И Бог знает, что выйдет из рая,
Но замена реальна вполне:
Чуть восточнее ближнего края
И почти что на «Невской волне»...
В этой жизни с порядком таможным,
Горьким хлебом и кислым вином,
Утешительна мысль о возможном
Продолжении в мире ином...

Перечитывая Библию

Это мы-то творцы?
Безнадёжные сводники слов,
Алкоголики снов и жрецы золотой эйфории...
Оркестровый сентябрь торжествует превыше голов,
Но латунь, как латынь, – к ликованию приговорили.
Взбаламутить лазурь – что ещё на крючке карасю...
Утопить свою желчь – в желтизне, поражение – в мажоре, –
Вот он, сверхреализм, без ужимок салонного «сю»:
Разверзается штрек и пылают зрачки, как мозоли...
Это мы-то творцы? –

Продолбившие шахты ночей
Аритмией сердец... Каторжане, которых не ловят.
Но куда убежишь от прожорливых этих печей,
Если каждый листок – на осеннем ветру – Могендовид...
Если каждая ветвь, распрямясь в ослепительный рост,
Осеняет, как миф, и трепещет материя духа;
И безумная мысль подрывает Воллипиев мост,
В темноте показавшись клочком перелётного пуха...
И качнётся земля, как нарядный пасхальный кулич,
И над воском садов деревянные руки расправишь,
И – плашмя полетишь... – Не успев обрести и постичь
Триединства любви, распростёртой от кладбищ до клавиш...
Это мы-то – творцы?
Мастера, усмехнусь, мастера,
Сторговавшись с Хароном, кататься туда –
и обратно, –
Где в юдоли ржаной плодородна любая дыра
И сквозь пористый свет – васильки
проступают,
как трупные
пятна...

ПАМЯТИ ЧЕШСКОГО СТУДЕНТА ЯНА ПАЛАХА

Прага, я не могу на твоём не споткнуться пороге:
Здесь брусчатка, как реквием, скорбно звучит под ногой...
Чешский мальчик горел, а у нас проступали ожоги,
Будто Ян – это я, это я, а не кто-то другой...
Мы познали тогда: нет стыда безнадежней и горше,
Чем за Родину стыд ... (Как ломило ночами висок...)
И мерещилась тень: по камням, как по клавишам, Дворжак –
Танкам наперерез, тёмной площади – наискосок...
На губах моих снег – голубая солёная влага...
И на русский язык откликается каждый второй!
То ль славянской душой нас простила воскресшая Прага,
То ли днесь поняла, как наивны палач и герой...
По каким бы камням кто б солдатским ботинком ни клацал,
Никуда не привёз ни свободы, ни счастья танкист...
Добрый вэчэр тебе, повидавший историю Вацлав!
Полыхает букет и приветливо машет таксист...

* * *

И горы облаков, и кактусов отары,
Двугорбый божий бомж над папертью песка...
Здесь так чисты цвета... И мы ещё не стары.
И птица на лету касается виска.
О родина всего! О пафос Палестины!
О живопись пустынь – причудливей Дали!
Льдовеющая соль. Блаженные крестины
в Отеческих руках... Купель. И корабли
исчезли. Стёрт прогресс. Ни дыма. Ни детали

зловещих наших дней. Вернулся в окоём
первоначальный смысл.
И след Его сандалий
впечатан в твердь воды и солнцем напоён...

* * *

Сколько в компьютере Божьем оттенков зелёного –
Я никогда ещё в жизни не видела столько!
Здесь, в Галилее, спасенье от времени оного,
словоубежище... И кисло-сладкая долька
(не леденец химиядный – плоды трудовитые...)
Солнце гончарное, скрипнув, за кадр опускается.
Овны библейские, к жертве любовно завитые,
так безмятежны, что фотозатвор спотыкается...
Патриархальное, ветхозаветное, горнее
ширится небо – чем выше тропинка топорщится.
Совестно в рифму, – изыди, как бизнес – игорная...
Дай надышаться псалмами...
(Примолкла, притворщица.)

* * *

То ли ломится бешеный яркий ландшафт,
то и дело меняясь, в стекло ветровое?
То ли фрески Шагала до звона в ушах
разрослись и смыкаются над головою?
Всё возможно под куполом этих небес,
где в прищуре солдата – печаль Авраама,
где пилястрами стройными лепится лес
и однажды в столетье скворчит телеграмма.
Как лиловы оливки, и как апельсин
нестерпимо оранжев, на зависть Манжурий...
Над спящим песком – паруса парусин
и араб в неизменном своём абажуре...
Все мы родом из этих горчичных земель,
что являют прообраз и ада, и рая,
где, как в детстве бронхитном, палитровый хмель
и восторг сотворенья... И вот он, Израиль!
Я намокшую прядь поправляю крылом
и не ведаю, сколько веков отмахала...
И венчает картину, мелькнув за стеклом,
смуглый ангел пустыни, патрульный ЦАХАЛа...

* * *

...Земную жизнь пройдя до половины,
верней, почти до самого конца,
я знаю: в птичьих шапочках равнины
не заслонили Божьего лица.

Тому, кто нам наказывал: не целься,
не обмани, будь страждущему – брат,
милей и ближе ряженных процессий
поэт, стихи слагающий в Шаббат...
Космополит, что пьёт арабский кофе,
смакуя горечь, сжав до синевы
осколок моря... Этот на Голгофе
Не отшатнёт от плахи – головы...
Да, не любил катания на танках,
чурался пейс – зато наверняка
арабских цифр в швейцарских мутных банках
не прикрывала алчная рука...
И если все мы, Господи, повинны, –
покинь тобой придуманный народ...
Земную жизнь пройдя до половины,
я слышу скрежет Дантовых ворот...

* * *

Лена, Володя, Наташа и Миша.
Над головой – сионистская крыша.
А на столе – православная водка.
(Задраны вверх и кадык, и борода.)
Из пенопласта двойник Арафата,
он исподлобья следит воровато...
Что тебе, чучело? Будешь из банки?
Мы никуда не въезжали на танке.
Мы согревали полжизни в котельной
и Могендовид, и крестик нательный.
Новый Завет вслед за Ветхим Заветом
полнили душу терпения светом...
Спали с лодыжек галерные гири.
Не потеряться бы в яростном мире!
Юра, и Вася, и Боря, и Лена –
все мы Петра и арапа колена...
И отовсюду спешат катастрофы
в наши до слёз петербургские строфы.
В мире безумном воинственном этом
нет закутка бесприютным поэтам.
Всюду бездомна ты, братия наша –
Витя, Серёжа, Олежка и Саша.
Хоть и пришли заповедные сроки
и из юродивых вышли в пророки...
Песах ли, Остерн – рванём без закуски...
Это по-божески. Это – по-русски.

* * *

Семь лет – один ответ,
и снова – сон глубокий...
Я знаю, что кивнёт
согласно каббалист...

И мимо пролетит
печальный, одинокий,
чтоб новым корнем стать,
скукожившийся лист...
Не следует роптать
на ветер переменный.
Стерпи – и новый день
подыметя в зенит!
Мне чудится опять,
что в чашечке коленной
мой завтрашний разбег,
как ложечка, звенит...

Так после тесных сот –
простора мне, простора!
Дерзну поцеловать
и Обскую губу...
А жизнь – на то и жизнь,
чтоб самое простое
являло вещей смысл
и вылилось в Судьбу...